

𑀩𑀺𑀲𑀺𑀫𑀺𑀢𑀺𑀫𑀺
𑀩𑀺𑀲𑀺𑀫𑀺𑀢𑀺𑀫𑀺
𑀩𑀺𑀲𑀺𑀫𑀺𑀢𑀺𑀫𑀺
𑀩𑀺𑀲𑀺𑀫𑀺𑀢𑀺𑀫𑀺

ОБЪЯСНЕНИЕ ДРЕВНЕЙ МОНГОЛЬСКОЙ НАДПИСИ НА ЧУГУННОЙ ДОЩЕЧКѢ, ДОСТАВЛЕННОЙ ВЪ ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМІЮ НАУКЪ Г. ВІНОКУРОВЫМЪ.

Составленное А. М. Пезднѣевымъ.

Читано въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія Академіи, 6-го октября 1881 г.

Въ февралѣ мѣсяцѣ настоящаго года въ Императорскую Академію Наукъ прислана была отъ инспектора Тюменско-Ачинскаго ссыльнаго тракта г. подполковника Винокурова чугунная дощечка съ надписью серебряными буквами, найденная при разработкѣ земли крестьяниномъ Богомильской волости Маріинскаго округа Томской губерніи. Буквы, которыми начертана была надпись на этой дощечкѣ, не составляли уже для насъ новости: это были квадратныя монгольскія письмена, официально употреблявшіяся Монголами въ періодъ владычества ихъ въ Китаѣ, или, еще болѣе точно, въ тотъ періодъ, когда на китайскомъ престолѣ возсѣдалъ монгольскій Хубилай-ханъ, подъ китайскимъ именемъ *Ши-дзу* династіи *Юань* (1259—1294 г.). Такимъ образомъ дѣлалось очевидно съ перваго раза, какому народу принадлежала эта дощечка и къ какому времени относится она по своему происхожденію. Мы знали также и о томъ, что подобныя дощечки были дѣйствительно употребляемы Монголами, и что онѣ имѣли у нихъ значеніе государственныхъ документовъ; знали все это потому, что дощечки этого рода были уже неоднократно находимы и изслѣдуемы у насъ и прежде, такъ что на-

стоящій памятникъ является для насъ уже четвертымъ въ своемъ родѣ по порядку времени своего открытія¹⁾. Но за всѣмъ тѣмъ дощечка, представленная г. Винокуровымъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что она несомнѣнно является оригинальною въ своемъ родѣ и, по нашему мнѣнію, разнствуетъ отъ ея предшественницъ значеніемъ также точно, какъ отличается отъ нихъ по своему внѣшнему виду и содержанію своей надписи. Всѣ отысканныя до сего времени дощечки были продолговатыми по формѣ, имѣя въ длину около 7 вершковъ, въ ширину около двухъ и въ толщину около $\frac{1}{12}$ вершка; въ верхней части всѣхъ этихъ дощечекъ находилось кругое отверстіе съ выпуклымъ по обѣимъ сторонамъ ободкомъ или кольцомъ, наконецъ металлъ, изъ котораго всѣ онѣ были сдѣланы—серебро, а буквы на нихъ были рѣзныя, причемъ на первомъ (минусинскомъ) пайзѣ онѣ являлись позолоченными. Настоящая дощечка по своей формѣ собственно круглая: она окаймлена выдающимся ободкомъ и вмѣстѣ съ нимъ имѣетъ $2\frac{6}{8}$ вершка въ діаметрѣ. Впрочемъ, такъ какъ въ верхней части круга этой дощечки находится еще украшеніе, выдающееся кверху угломъ, стороны котораго какъ бы гранены тремя фестонами, то разсматриваемая вмѣстѣ съ этимъ украшеніемъ, дощечка уже те-

¹⁾ Первая изъ этихъ дощечекъ серебряная, съ позлащенными буквами, была найдена въ 1841 г. въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи; надпись ея, изображенная неизвѣстными дотолѣ квадратными письменами, была разобрана и прочитана впервые о. архимандритомъ Аввакумомъ, а потомъ издана В. В. Григорьевымъ въ его брошюрѣ «Монгольская надпись времени Мѳнгкэ-хана». Вторая дощечка также серебряная, но уже не съ квадратными, а съ уйгуро-монгольскими письменами, была отыскана въ 1848 году въ Екатеринославской губерніи, близъ Запорожской Сѣчи; объясненіе ея было представлено Дорджи Банзаровымъ и напечатано въ «Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg, T. V, № 9, подъ заглавіемъ: «Erklärung einer Mongolischen Inschrift auf einer im Jekaterinoslaw'schen Gouvernement auf den Gütern des Herrn Barons von Stieglitz ausgegrabenen Silberplatte». Наконецъ третья такая же серебряная дощечка и также съ квадратными письменами отыскана была въ Нюкскомъ селеніи Верхнеудинскаго округа Забайкальской области, гдѣтомъ 1853 г.; она описана и издана была г. Савельевымъ въ Тр. Вост. Отд. Импер. Археолог. Общ., ч. II, стр. 161—165.

рять форму круга и имѣть въ длину $3\frac{6}{8}$ вершка. Орнаментъ, отлитый на верху дощечки, въ настоящее время представляется крайне неяснымъ, но, повидимому, онъ изображаетъ собою дракона — гербъ китайской имперіи; оканчивается этотъ орнаментъ шинькомъ, къ которому прикрѣплено вертящееся чугунное кольцо, назначенное какъ будто для того, чтобы дощечку можно было привѣшивать. Надпись дощечки изображена въ пяти строкахъ, причемъ двѣ строки — начальная и конечная, какъ приходящіяся по краямъ круга, вообще нѣсколько меньше и короче всѣхъ трехъ срединныхъ, а самая средняя строка больше и длиннѣе всѣхъ боковыхъ. Буквы, которыми изображена надпись, серебряныя и въ высшей степени достойны замѣчанія тѣмъ, что онѣ не рѣзныя и не отлитыя, какъ это было на прежнихъ дощечкахъ, а составляютъ какъ бы серебряную инкрустацію на чугунной пластинкѣ. Необходимо думать, что, при приготовленіи этой дощечки, монгольскими художниками былъ принятъ тотъ же способъ, которымъ и до нынѣ выдѣлываютъ Монголы изъ различныхъ металовъ украшенія для своихъ поясовъ, лошадиныхъ сѣделъ, уздъ и проч. По этому способу напередъ должна была быть приготовлена форма дощечки, въ которой надпись, равно какъ и другія, предназначаемыя для инкрустаціи мѣста, были сдѣланы выпуклыми. Отлитая изъ чугуна по этой формѣ дощечка представляла собою ровную чугунную пластинку, а черты надписи являлись на ней въ видѣ пустыхъ отверстій. Чтобы покончить съ своей работой художнику оставалось теперь только вколотить мелкія серебряныя полоски въ эти отверстія чугунной доски, что и было имъ сдѣлано. Вотъ почему надпись разсматриваемой нами дощечки одинаково выпукла и видна какъ на лицевой, такъ и на задней сторонѣ ея и на послѣдней она является только въ обратномъ видѣ. Кромѣ сего вокругъ надписи и въ срединѣ общаго круга дощечки по мѣстамъ остались еще слѣды отъ двухъ серебряныхъ ободковъ, но они представляютъ собою не инкрустацію, а обыкновенную серебряную насѣчку на чугунѣ.

Надпись располагается по строкамъ и читается такъ:

мѡнъ-кэ дэнъ-ри
 йн кѹ-чун дѹр
 ха-ну джар-лик кэн
 эсэ бу-ши-рѣ-су
 ал-да-ту-гай.

Что по буквальному переводу означаетъ:

Вѣчнаго неба
 силою,
 ханскаго повелѣнія кто
 не послушаетъ (не будетъ почитать) если,
 пусть будетъ убитъ.

Не входя теперь въ подробное разсмотрѣніе квадратнаго алфавита, который уже неоднократно подвергался самому обстоятельному изслѣдованію какъ со стороны русскихъ, такъ и европейскихъ ориенталистовъ, мы однако считаемъ долгомъ сказать въ объясненіе представленной нами транскрипціи слѣдующее:

Первое изъ словъ разбираемой нами надписи — «мѡнъ-кэ» замѣчательно тѣмъ, что въ начертаніи втораго слога его — «кэ» употребленъ самостоятельный знакъ квадратной письменности. (Извѣстно, что для выраженія мягкихъ согласныхъ *к* и *х*, въ квадратной письменности существуютъ два самостоятельные знака, очевидно передѣланные изъ тибетскихъ знаковъ ^ㄑ и ^ㄒ и отличающіеся отъ нихъ изображеніемъ подвѣшеннаго къ горизонтальной чертѣ съ правой или съ лѣвой стороны ящика); такимъ образомъ слово «мѡнъ-кэ» на нашей дощечкѣ по своему изображенію различается отъ начертанія его въ Нюкскомъ пайзэ (гдѣ этотъ второй слогъ выраженъ тибетскимъ знакомъ ^ㄑ) и является начертаннымъ одинаково съ тѣмъ, какъ изображено оно въ пайзэ ми-нусинскомъ и грамотахъ вдовы Дарма-баловой и Буянту-хана. Мы читаемъ это первое слово — «мѡнъ-кэ», т. е. усвоивъ его на-

чальному слогу мягкость гласнаго звука, подобно тому, какъ произносится онъ въ современномъ языкѣ Монголовъ , или даже болѣе опредѣленно у Калмыковъ . Г Бобровниковъ, рассматривая это слово «*mönk-kä*» въ грамотѣ Буянту-хана, признавалъ справедливымъ читать его какъ *mönk-ka* (также точно транскрибируетъ его и г. Уайли, изображая только латинскими буквами въ видѣ — «*Mong'ka*»¹⁾), хотя и не рѣшился на эту транскрипцію утверждая, что въ монгольскомъ языкѣ невозможно стеченіе гласныхъ *o* и *a* въ одномъ словѣ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что это послѣднее мнѣніе г. Бобровникова, переходящее по преемству къ нашимъ монголологамъ, не оправдывается въ дѣйствительности и наблюденія надъ монгольскимъ языкомъ могутъ удостовѣрить насъ, что какъ въ древней, такъ и въ современной намъ рѣчи Монголовъ есть достаточное число (примѣровъ) словъ, въ которыхъ замѣчается соединеніе какъ твердыхъ *o* и *a*, такъ и мягкихъ *ö* и *э*. И такъ, прочитавъ слово согласно настоящему произношенію его у Калмыковъ, какъ «*mönk-kö*», г. Бобровниковъ недоумѣвалъ только и ставилъ вопросъ, почему квадратное правописаніе въ изображеніи гласныхъ звуковъ, всегда согласное съ уйгуро-монгольскимъ, въ этомъ случаѣ перемѣняетъ уйгуро-монгольскія мягкія гласныя на твердыя²⁾? Но дѣло мнѣ кажется въ томъ, что монгольскій писецъ, изображая слово «*mönk-kä*» въ той формѣ, въ которой является оно начертаннымъ на нашей дощечкѣ, а равно и въ грамотѣ Буянту-хана, и не думалъ о томъ, что онъ не пишетъ слова съ мягкими гласными звуками. Тщательное изученіе квадратнаго алфавита убѣждаетъ насъ, что алфавитъ этотъ не зналъ различія и не имѣлъ отдѣльныхъ знаковъ для выраженія твер-

1) Journal Asiatique 1862 à Wylie sur une inscription mongole en caracteres Pa-sse-pa, p. 461—471.

2) Памятники монгольскаго квадратнаго письма. Спб. 1870 г., стр. 33.

даго *о* и мягкаго *ö*, подобно тому какъ современная письменность Монголовъ не знаетъ различія между звуками *ö* и *ü*, объединяя ихъ въ одномъ знакъ ᠮ . Такимъ образомъ въ квадратномъ алфавитѣ твердое *о* и мягкое *ö* одинаково начертываются тибетскимъ знакомъ \sim , изображаемымъ только въ обратномъ положеніи; очевидно, стало быть, что писецъ какъ для выраженія твердаго «монз», такъ и мягкаго «мönз» долженъ былъ употребить одни и тѣже знаки. Въ монголо-китайскомъ памятникѣ Юань-чао-ми-ши слово *mönz-kэ* изображается посредствомъ іероглифовъ 蒙¹⁾, т. е. мүнкэ. Но гласная «*ü*» въ слогѣ іероглифа 蒙 *münz* произносится весьма сжато, почему и самому іероглифу этому усвоится еще и другая транскрипція какъ — «мэнъ»²⁾. Ясно, что и въ понятіи и произношеніи Китайцевъ гласный звукъ этого іероглифа занимаетъ какую то середину между звуками *ü* и *э* и мнѣ кажется, что эта середина и есть тотъ звукъ, который болѣе опредѣленная монголо-ойратская письменность выражаетъ знакомъ ᠮ , соотвѣтствующимъ нашему *ö*. Что касается втораго слога «*кэ*», то онъ, какъ намъ кажется, совершенно не могъ быть прочитанъ какъ «*ка*». Подробное разсмотрѣніе употребленія начертаннаго въ этомъ слогѣ самостоятельнаго знака квадратной письменности, дѣлаетъ несомнѣннымъ заключеніе, что знакъ этотъ употреблялся Монголами исключительно въ словахъ мягкаго звука, т. е. при гласныхъ *э ö ü*. По характеру своему онъ совершенно соотвѣтствуетъ знаку ᠮ современнаго монгольскаго письма, за которымъ, какъ извѣстно, монгольскими грамматиками признано даже свойство опредѣлять мягкость произношенія *всѣхъ* гласныхъ, входящихъ въ составъ слова. Весьма вѣроятно, что тоже значеніе имѣлъ и разсматриваемый нами знакъ письма квадратнаго.

Слово «*Дэнъ-ри*» пишется такимъ образомъ одинаково во всѣхъ памятникахъ квадратнаго письма, хотя въ настоящемъ

1) Юань-чао-ми-ши. Бэнь-цзы IV. Цзюань X—I.

2) Васильевъ. Графическая система китайск. іероглифовъ, стр. 375.

языкѣ Монголовъ является не иначе, какъ въ видѣ «тэнз-ри» или даже болѣе полно «тэнз-гэ-ри», т. е. въ обоихъ случаяхъ замѣняя начальную согласную слова «д» звукомъ — «т». Объяснить эту особенность квадратнаго письма древнимъ произноше- ниемъ слова мы въ настоящее время положительно не можемъ, ибо даже болѣе древній монгольскій памятникъ Юань-чао-ми-ши начертываетъ слово «тэнз-ри» не иначе, какъ иероглифами 1), т. е. какъ «тэнз-гэ-ри», или, что тоже, представляетъ его совершенно въ той формѣ, въ какой является оно въ современной живой рѣчи Монголовъ.

Бушир'эсү — услов. накл. отъ глагола бүширэкү. Въ современномъ разговорномъ языкѣ и письменности Монголовъ этотъ глаголъ является въ формѣ «биширэкү»; но въ древности онъ несомнѣнно произносился такъ, какъ изображаетъ его надпись на нашей дощечкѣ; ибо, помимо того, что глаголъ этотъ является въ той же формѣ и изображеннымъ уже уйгуро-монгольскими буквами въ дощечкѣ Абдула-хана 2), самый переходъ слога *бу* въ *би* въ нѣкоторыхъ словахъ для насъ теперь не подлежитъ сомнѣнію. Возьмемъ для примѣра слово *бу-су*. Въ Юань-чао-ми-ши оно на ряду съ этою древнею формою слова *бу-су* 3),

1) Юань-чао-ми-ши. Бэнь-цзы IV. Цзюань X—I. — Представляя транскрипцію Юань-чао-ми-ши, мы, по неимѣнію ея спеціального приѣта, должны были нѣсколько уклониться отъ точной передачи ея знаковъ въ данномъ словѣ. Извѣстно, что Китайцы не имѣютъ въ своемъ языкѣ звука «р», а потому у нихъ нѣтъ и отдѣльныхъ иероглифовъ для выраженія слоговъ съ этимъ звукомъ. Чтобы пополнить этотъ недостатокъ при транскрипціи словъ монгольскихъ, переписчики Юань-чао-ми-ши приняли за правило слоги: ра, рэ, ри, ро, ру, изображать иероглифами, имѣющими тоническое значеніе слоговъ: ла, лэ, ли, ло, лу, отличая ихъ приставкою знака (шэ — языкъ) съ лѣвой стороны. Такимъ образомъ и въ словѣ «тэнгэри», къ послѣднему знаку долженъ быть приставленъ съ лѣвой стороны, какъ ключевой знакъ, еще иероглифъ .

2) Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Imper. d. scien. d. St. Pbrg. I V, № 9, p. 2.

3) Юань-чао-ми-ши. Бэнь-цзы II. Цзюань III, стр. 31.

начертывается также іероглифами *бу-иш*¹⁾, а Алтанъ Тобчи (монгольская рукопись XVII в.) начертываетъ его *би-иш*²⁾, т. е. согласно настоящему произношенію. За симъ въ Юань-чао-ми-ши мы одинаково встрѣчаемъ слова и ³⁾ и въ другихъ памятникахъ монгольской литературы и ; и и т. п.

Въ словахъ *ха́ну* и *бүширэ́су* мы вводимъ густое придыханіе для того, чтобы обозначить имъ букву квадратнаго письма, передѣланную изъ тибетскаго знака , который Тибетцы хотя и называютъ краткимъ *а*, однако причисляютъ къ числу буквъ согласныхъ. Въ квадратномъ письмѣ эта буква встрѣчается по преимуществу въ тѣхъ словахъ, которыя имѣютъ въ составѣ своихъ слоговъ такъ называемые у насъ долгіе слоги и очевидно имѣеть здѣсь прямое назначеніе показывать долготу того гласнаго звука, съ которымъ она непосредственно соединяется. Вѣроятно принимая въ расчетъ именно это свойство, приданное тибетскому знаку въ квадратномъ алфавитѣ, изслѣдователи памятниковъ квадратнаго письма и усвоили себѣ обычай возстановлять слова, въ которыхъ находится эта буква, такъ, какъ начертываются онѣ въ современной письменности Монголовъ. Но наблюдая далѣе употребленіе этой буквы въ отдѣльныхъ словахъ, мы видимъ, что она приставляется къ гласнымъ какъ твердаго, такъ и мягкаго звуковъ; отсюда прежніе толкователи квадратныхъ памятниковъ необходимо должны были давать этой буквѣ различное чтеніе и значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и входить въ разнаго рода непослѣдовательности. Такъ у г. Уайли она получала значеніе слога *ка* (*kha*) въ словѣ *Gakhan*, — *akh* въ словѣ *gakhen* (вм. *зэн* или *зэн*; очевидно, что г. Уайли по-

¹⁾ *ibid.* Бэнь-цзы I. Цз. II—28.

²⁾ Алтанъ-Тобчи. Л. 18-й, стр. 10.

³⁾ Юань-чао-ми-ши. Бэнь-цзы I. Цзюань II. Л. 31-й.

грѣшалъ здѣсь еще и противъ основнаго правила монгольскаго языка, по которому въ одномъ слогѣ не можетъ быть соединенія твердыхъ и мягкихъ звуковъ) и пр. Въ транскрипціяхъ г. Бобровникова буква ᠨ иной разъ являлась въ видѣ долготы надъ тою гласною, съ которою входила она въ непосредственное соединеніе, другой разъ получала значеніе гортанной согласной ᠨ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ слова являлись у него именно въ той формѣ, какую имѣютъ они въ современной письменности Монголовъ. Если бы мы послѣдовали теперь за нашими предшественниками, то должны были бы одной и той же буквѣ ᠨ усвоить въ однихъ словахъ чтеніе какъ a , въ другихъ выраженіе долготы слога, въ третьихъ значеніе согласной ᠨ , наконецъ въ четвертыхъ, какъ на примѣръ въ нашемъ словѣ «*бмиир'эсу*» значеніе согласнаго звука «б», ибо долгій слогъ агглюнативной частицы условнаго наклоненія въ настоящей письменности Монголовъ выражается въ формѣ «*бэсу*». Но обратимъ вниманіе на самое свойство помянутыхъ долгихъ слоговъ. По справедливому замѣчанію г. Бобровникова, «эти долгіе гласные звуки не должно представлять себѣ произшедшими чрезъ сліянiе двухъ короткихъ гласныхъ, потому что въ монголо-калмыцкомъ языкѣ нѣтъ примѣра, чтобы изъ стеченія двухъ короткихъ гласныхъ образовалась гласная долгая. Наблюдая за произношеніемъ долгихъ гласныхъ мы замѣчаемъ, что долгота ихъ зависитъ отъ присутствія придыханія. По этому существенному признаку можно назвать эти гласныя *придыхательными*, а по роду придыханія можно раздѣлить ихъ на *мягкія* и *твердыя*¹⁾. Монголы безъ сомнѣнія инстинктивно понимали это свойство тѣхъ гласныхъ звуковъ ихъ языка, которые мы называемъ долгими и придыханіе ихъ въ своей квадратной письменности выражали тибетскимъ знакомъ ᠨ , замѣняемымъ нынѣ въ нашей транскрипціи густымъ придыханіемъ.

¹⁾ Бобровниковъ. Грамматика монголо-калмыцкаго языка. Казань. 1849 г., стр. 12.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію значенія нашей дощечки мы почитаемъ необходимымъ прежде всего припомнить тѣ изысканія по этому вопросу, которыя были произведены изслѣдователями прежде отысканныхъ пайза. О. Аввакумъ, представивъ переводъ надписи на минусинской дощечкѣ, на основаніи извѣстныхъ ему свидѣтельствъ китайскихъ историографовъ, объяснилъ, что такія дощечки имѣли у Монголовъ значеніе «документовъ, которыми чиновники, отправлявшіеся по волѣ ханской въ разныя провинціи, уполномочиваемы были сдѣлать то или другое распоряженіе»¹⁾. Но на ряду съ этимъ объясненіемъ о. Аввакума, заимствованнымъ изъ китайскихъ писателей, мы имѣемъ еще и другое показаніе о дощечкахъ у европейскаго путешественника XIII в. — Марко Поло. Послѣдній въ главѣ о наградахъ, которыя имѣлъ обыкновеніе давать Хубилай-ханъ тѣмъ, кто велъ себя храбро на войнѣ, рассказываетъ слѣдующія подробности:

«Великій ханъ выбираетъ двѣнадцать самыхъ умныхъ изъ дворянъ, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы наблюдать за поведеніемъ офицеровъ и солдатъ его арміи преимущественно во время походовъ и сраженій и представлять свои отчеты его величеству, онъ же, узнавъ объ ихъ достоинствахъ, повышаеъ ихъ по службѣ, назначая того, кто командовалъ сотнею, начальникомъ надъ тысячею и даря многимъ серебряную посуду и *доски или свидетельства объ ихъ власти*; тѣ доски, которыя даются начальникамъ надъ сотнею (людей), сдѣланы изъ серебра; командиры надъ тысячею получаютъ золотыя, или серебряныя вызолоченныя, а командиры надъ десятию тысячами получаютъ золотыя доски съ изображеніемъ львиной головы; первыя бывають вѣсомъ въ 120 сагги, а послѣднія съ львиной головой въ 220. При началѣ сдѣланной на доскѣ надписи, находится слѣдующее изреченіе: «Силою и властью великаго Бога и милостью, которую онъ низпосылаетъ на нашу имперію; да бу-

¹⁾ Григорьевъ. Монгольская надпись временъ Монька-хана. Спб. 1846 г., стр. 26.

деть имя хана благословенно во вѣки; всѣ, которые не захотятъ повиноваться тому, что здѣсь написано, будутъ наказаны смертью и совершеннымъ уничтоженіемъ». Офицеры, имѣющіе подобные знаки, пользуются особыми привилегіями¹⁾».

Соображая оба эти показанія о значеніи дощечекъ, о Аввакума и Марка Поло, мы приходимъ къ заключенію, что *известныя намъ до сего времени дощечки съ квадратными письменами принадлежали именно ко второму отдѣлу, т. е. имѣли значеніе наградныхъ знаковъ достоинства*. Въ этомъ убѣждаетъ насъ во первыхъ то, что обѣ эти дощечки были, согласно показанію Марко Поло, серебряныя, а минусинская даже позолоченная; во вторыхъ, китайскія надписи, находящіяся у обѣихъ этихъ дощечекъ на ободкахъ ихъ колець и служащія очевидно собственнымъ именемъ этихъ дощечекъ (первая изъ нихъ называлась «Сюань-цзы» — объявленіе, а вторая Гунь-цзы» — почетный знакъ; — послѣднее названіе очевидно и прямо подтверждаетъ нашу мысль); наконецъ въ третьихъ подкрѣпленіе своего мнѣнія мы видимъ и въ самомъ текстѣ надписи дощечекъ, въ которомъ гѣтъ и упоминанія о какомъ либо повелѣніи или распоряженіяхъ²⁾. Въ совершенную противоположность этому самый смыслъ надписи на нашей дощечкѣ показываетъ, что она именно могла быть даваема посланцамъ, отправлявшимся куда либо для передачи царскихъ повелѣній и служила знакомъ какъ для удостовѣренія личности ханскаго посланца, такъ и необходимости исполненія переданныхъ имъ распоряженій. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, *дощечка, присланная въ Академію Наукъ г. Винокуровымъ, является у насъ первымъ образцомъ тѣхъ дощечекъ, которыми монголо-китайскіе императоры династии Юань снабжали своихъ посланцевъ, отправляя ихъ въ ту или другую сторону для передачи ихъ императорскихъ повелѣній*.

1) A. Bürck. Die Reisen des Venezianers Marco Polo. Leipz. 1845. S. 271—272.

2) Дословный переводъ надписи на этихъ дощечкахъ таковъ. «Вѣчнаго неба силою, ханское имя да будетъ свято; кто не будетъ почитать, имѣетъ быть убитымъ, умереть».

Опредѣливъ такимъ образомъ значеніе разсматриваемой нами дощечки и имѣя передъ собою образецъ знаковъ, которыми монгольскіе императоры снабжали своихъ посланцевъ, отправляя ихъ въ ту или въ другую сторону для передачи высочайшихъ приказовъ, мы легко можемъ теперь объяснить себѣ то темное мѣсто китайскаго историка Мэнъ-хуна, которое осталось вопросомъ и для нашего ученаго переводчика сказаній этого историка. Въ главѣ «о названіи (монгольской) династїи и правленія» Мэнъ-хунъ, описывая способы обнародованія Монголами императорскихъ указовъ, говоритъ слѣдующее:

«При началѣ возвышенія Татаръ, у нихъ не было вовсе письменъ (вѣрнѣе: Татары вовсе не пользовались письменами); всякій разъ, когда надобно что повелѣть, отправляютъ туда и сюда посланца и ему даютъ на память только вырѣзанный приказъ; но посланный не смѣетъ ни прибавить, ни убавить ни одной буквы (ни одного слова), такой обычай этого народа; такъ просты ихъ нравы»¹⁾.

Въ этомъ сказаніи возбуждаютъ очевидный вопросъ два, стоящіе рядомъ, но противорѣчащіе другъ другу факта. Съ одной стороны здѣсь говорится, что, отправляя своихъ посланцевъ для обнародованія императорскихъ указовъ, Монголы не пользовались письменами, съ другой утверждается, что посланному все-таки давался вырѣзанный приказъ. Примиреніе этихъ противорѣчій мы видимъ именно въ настоящей дощечкѣ. Дѣло очевидно въ томъ, что самые приказы обнародовались у Монголовъ и въ періодъ ихъ возвышенія также точно, какъ и въ глубокой древности — словесно²⁾, чрезъ особыхъ глашатаевъ; но и при всей этой видимой безконтрольности въ обнародованіи указа посланецъ глашатай все-таки не могъ ни прибавить ни убавить ни одного слова, что и составило предметъ удивленія для болѣе испорченныхъ въ нравственномъ отношеніи Китайцевъ: для доказательства же справедливости передаваемыхъ слова приказа, пос-

¹⁾ Васильевъ. Ист. и древ. восточ. части Средней Азіи, стр. 219.

²⁾ Такинъ. Собр. свѣд. о нар. Средней Азіи, т. III, стр. 2.

ланцу давалась дощечка, въ которой говорилось только, «кто не будетъ почитать ханскаго повелѣнія (содержаніе котораго слѣдовательно передавалось на словахъ) тотъ будетъ казненъ».

Но скажутъ, что извѣстія Мэнъ-хуна относятся только къ періоду возвышенія Татаръ, а между тѣмъ дощечка, рассматриваемая нами, принадлежитъ уже къ царствованію Хубилай-хана, то есть къ тому времени, когда Монголы уже владѣли Китаемъ и имѣли у себя свое собственное письмо. Разъясненіемъ этого возраженія является самая исторія квадратной письменности, представленная въ изслѣдованіяхъ Абель-ремюза. По этимъ изслѣдованіямъ оказывается, что даже послѣ изданія императорскаго указа объ употребленіи квадратной письменности у Монголовъ, она всетаки развивалась у нихъ крайне слабо и почти никогда не бывала въ употребленіи. Изъ представленія Хо-ли хо-сун'а императору, сдѣланнаго въ 1-й лунѣ 1272 года, видно, что въ это время въ императорской коллегіи наукъ не находилось еще ни одного сына мандарина, который бы сталъ изучать монгольскій алфавитъ; а потому дѣлалось предположеніе, что не только въ это время, а даже и впослѣдствіи главнѣйшіе сановники не будутъ въ состояніи читать монгольскаго письма¹⁾. Основываясь на этомъ представленіи мы можемъ, кажется, съ достаточною достовѣрностью утверждать, что въ періодъ 1272 года и въ послѣдующее за симъ время монгольскіе сановники должны были естественно почитать бесполезнымъ изложеніе высочайшихъ повелѣній и своихъ указовъ на бумагѣ для обнародованія ихъ во всемъ государствѣ, такъ какъ письменность Монголовъ въ это время могла быть извѣстна только самому незначительному кругу людей. Отсюда же за симъ сама собою вытекала для нихъ необходимость пользоваться стариннымъ способомъ устныхъ публикацій чрезъ глашатаевъ, которымъ въ удостовѣреніе ихъ личности и слова выдавался только рассматриваемый нами знакъ.

А. Позднѣвъ.

¹⁾ Recherches sur les langues tartares, 1—209.